

Виктор ЗОНИС

СОЛОМОН. ЦАРЬ ТЫСЯЧИ ПЕСЕН



CF FOLIO

Виктор Зонис

Соломон. Царь тысячи песен

«Фолио»

2015

ББК 84(4УКР)

Зонис В.

Соломон. Царь тысячи песен / В. Зонис — «Фолио», 2015

ISBN 978-966-03-7348-8

В этой книге рассказывается об одном из интереснейших периодов еврейской истории – о правлении легендарного царя Соломона, сына Давида. Соломон, прославившийся своей мудростью, привел к процветанию объединенное Израильское царство и осуществил замысел отца – воздвигнул Иерусалимский Храм. А еще он был живым человеком, которому знакомы горечь сомнений и творческое вдохновение любви.

ББК 84(4УКР)

ISBN 978-966-03-7348-8

© Зонис В., 2015

© Фолио, 2015

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Зонис

Соломон. Царь тысячи песен

Вступление

Желтый карлик злобно нависал над пустыней. Миллионы жарких лет, долгих и одинаковых, ревнивое солнце обволакивало пески изнуряющим зноем, оберегая гордое безмолвие от малейших посягательств скудной, зарывшейся глубоко в песок жизни. Миллионы лет бесконечного безвременья, миллионы лет испепеляющих сумерек...

Так было всегда, с самого начала Времен, когда промысел Сущего творил Жизнь, а, может быть, еще до того, потому что Сущий творил Жизнь, а пустыня рождала Смерть.

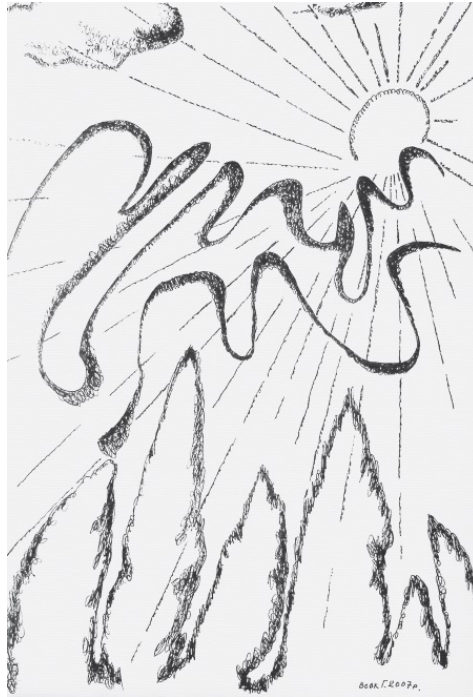
Но заканчивался долгий день, и солнце, отдав свою губительную страсть, уходило за край песков, куда-то в другой мир, где оно становилось ласковым и нежным, благословенным и благодостным. В эти короткие часы на пустыню опускалась вкрадчивая ночь, из-за гор налетал ветер, забирая и унося к холодным звездам жар раскаленных песков. Барханы приходили в движение, перетекали, сливаясь и распадаясь; на их вершинах появлялись суетливые ящерицы, замирали, пугливо всматриваясь в темноту огромными стеклянными глазами. Под осыпающимся песком обнажались скрюченные болью, оторванные от безводных корней растения-призраки. Они легко снимались с места, сухо и жалобно потрескивали, перегоняемые бесцельным ветром от бархана к бархану. Это тоже была жизнь, жизнь не во имя, а вопреки, жизнь во владениях победившей ее смерти...

В один из таких особенно знойных дней, в самый полдень, 15 дня месяца Тамму за, на безжизненном горизонте в дрожащем мареве разреженного воздуха появилась едва различимая точка. Спустя немного времени она увеличилась, разрослась. На сером в коричневых проплешинах осле, старом и хромом, двигался человек, такой же древний, как и грустное животное, обреченно тащившее на себе непосильную ношу. Поверх грубой холщовой рубахи он был одет в выдавший виды, посеревший от времени, некогда белый в крупную черную полоску длинный плащ, почти полностью скрывающий просторные холщовые штаны. Ступни ног, искривленные временем и дорогами, мягко облегал желтые кожаные сандалии – единственное яркое пятно в изношенной блеклости его одежды. Старик сидел, неестественно выпрямив спину, словно привязанный к невидимой жерди, абсолютно равнодушный к окружающему миру и испепеляющему зною, к жуткому крику голодного и уставшего животного. Под белым пышным головным убором – знаком высокого положения в обществе – на пергаментно-желтом лице, причудливо изрытом иссушенными каналами морщин, светились пытливые, глубокие глаза мудреца. Острый крючковатый нос почти касался бескровных, тонких и властных губ, спрятанных под пологом длинной седой бороды. У его ног, плотно прижатых к бокам осла, болтались с двух сторон переметные дорожные сумы.

Великий Пророк Израиля Натан медленно двигался в сторону святого города Иерусалима...

К концу третьего дня пути пески поредели, запестрели проплешинами сухой, каменистой почвы, из-за горизонта суровыми призраками выросли покрытые зеленью горы.

– Ну вот, – пробормотал Натан, потрепав осла по холке. – Завтра, даст Бог, к вечеру будем в граде Давидовом. Потерпи еще немного, вон у той горы сделаем привал, там и наешься властью...



Старик тяжело слез с животного, трясущимися пальцами бережно снял переметные сумы, недолго постоял, притопывая онемевшими ногами, разгоняя по дряхлому телу жидкую и усталую кровь. Покопавшись в мешке, он поочередно извлек оттуда кожаную флягу с водой, сухую лепешку, большой лоскут грубой льняной ткани. Натан расчистил ногами землю от камней и прилег, опершись спиной о большой валун. Он медленно жевал лепешку, периодически делая мелкие, экономные глотки тухлой и бесценной воды, бездумно наблюдая за ослом, с радостным криком набивавшим утробу сухой и жесткой травой. Утолив голод, Натан с усилием подтащил к себе поближе тяжелые сумки и стал бережно извлекать оттуда их содержимое: тонкие глиняные таблички, густо испещренные надписями, свитки хрупкого папируса, несколько восковых дощечек для записей. Он любовно и сосредоточенно перебирал таблички, бережно подносил близко к подслеповатым плазам, вчитываясь в содержание. Черты его аскетического лица разгладились, стали мягче, добрее; глаза наполнились внутренним светом, отраженным последними лучами уходящего солнца.

Стало быстро темнеть, и Натан в обратном порядке аккуратно сложил в сумки таблички и пергамент, привязал отяжелевшего, икающего осла к деревцу и закрыл глаза. Однако долгожданный сон не приходил, в голове роились бессвязные мысли, толкались, рвались наружу яркие и потускневшие от времени картинки-призраки. Натан заворочался, закричал, перевернулся на спину и уставился немигающим взглядом в глубокое черное небо, щедро наряженное яркими и бесстрастными звездами...

«Ну вот, – думал он, – завтра – Иерушалаим, город любимый и ненавидимый, город славы и бесчестья моего великого и беспутного народа. Сколько же лет прошло с тех пор, как я поселился в Галааде, навсегда покинув этот город? Без малого десять...»

«Кто же знал, что Бог так надолго отведет от меня смерть, продлит бранные годы мои, чтобы увидел я расцвет и падение двух царей; двух великих царей, равных которым не было под небом Израиля от Дана до Вирсавиш, да и не будет, потому что щедрость Бога, даже для избранных детей его, не безгранична. Да, Бог ничего не делает просто так, и хоть Он больше не является мне во снах и молитвах, хоть и утратил я Великий Дар пророчества, потеряй его в суете и богопротивных делах своих, исполню последний долг перед людьми... Целых сорок лет процарствовал великий Давид, сын Иесея, над народами Иуды и Израиля, и всего

сорок лет как забрал Бог его в обитель вечную, а сколько небылиц нагнели о нем неблагодарные людишки! Да, не исправить теперь это... Слухами, что летят быстрее самой быстрой стрелы, обросло имя его. И сын Давида, превзошедший делами своими отца, не успел остыть еще перед Предвечным, как стали хулить его те, кто при жизни трепетал от одного упоминания имени его... Эх, Соломон, Соломон, сколько раз предостерегал я тебя, сколько раз волю Божью приносил на устах своих...

Торопиться нужно: память подводит, пальцы не гнутся, глаза в пелене... Торопиться надо, торопиться! Собрать все таблички с записями деяний Соломона, сына Давидова, моими и писателя Иосафата, сына Исайи, и других, кто за царем ходил. Собрать, отбросить глупое и ложное, вспомнить недостающее. Успеть бы только составить, свести воедино летопись эту о сорока годах царствования мудрого и великого – третьего царя Иудеи и Израиля, Шломо¹, сына Давидова, рожденного им от прекрасной Бат Шевы²...»

¹ Шломо – ивритское произношение имени Соломон (греч.).

² Бат Шева – дочь Элиама, жена Давида и мать Соломона.

Глава 1

Слова Экклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме: «Суета сует, – сказал Экклезиаст, – все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?»

*Род проходит, и род приходит, а земля пребывает веки...
Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, Кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда текут реки, они возвращаются, чтобы опять течь.*

Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится он зрением, не наполнится ухо слушанием.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое: но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...»

Экклезиаст. Гл. 1 (Кохелет, книга Соломона)

Соломон, высоко подняв над головой факел и держась за скользкую стену, осторожно спускался в подземелье. Заканчивалась еще одна душная ночь, предвестница знойного иерусалимского дня... заканчивалась еще одна бессонная ночь. Это было его время – время, когда великий царь незаметно покидал ложе одной из своих жен и, никем не замеченный, крадучись пробирался в тайную, глубоко запрятанную под мощным фундаментом царского дворца комнату, становясь с каждой пройденной ступенью тем, кем он и был на самом деле – ранимым, сомневающимся, придавленным бременем неограниченной власти человеком.

Соломон плотно прикрыл за собой тяжелую дверь и повесил факел на стену. Пламя нервно затрепетало в неподвижном и затхлом воздухе, скудно осветив просторное помещение – мрачное, сырое, зловещее. Сводчатый, закопченный дымом факелов потолок низко нависал над неровным, вымощенным крупными каменными плитами полом. Посреди него бесстрастным, суровым стражем из земли выросал, размером с человека, испещренный символами и знаками алтарь, увенчанный нефритовой чашей. Комната казалась обителью неведомого и мрачного божества, порожденного заполнившим ее смрадом и страхом.

Соломон прищурился, привыкая к неровному тусклому свету, и тяжело вздохнул. Вот уже неделю, каждую ночь, в последний ее час, он, преодолевая неизменное ощущение ужаса, приходил сюда, чтобы исполнить то, чего он не знал и чего боялся.

Царь еще раз осмотрелся, отыскал привыкшим к полумраку взглядом скамью в углу комнаты, присел на нее, напряженно вслушиваясь в тишину. Где-то за дверью послышались вкрадчивые шаги, и в помещение вошел худощавый, высокого роста пожилой человек. Он остановился в шаге от двери, низко поклонился, выискивая взглядом царя.

– Ну... – подал голос Соломон. – Почему так долго?

Аменхотеп пожал плечами:

– Ты же знаешь, Великий, сколь подозрительной сделалась к старости принцесса Мельхола.

– Чем меньше пользы от человека в жизни, тем больше он за нее цепляется, – проворчал Соломон.

– Мудро, как всегда, мудро, великий царь! – поклонился евнух.

– Ладно, хватит разговоров! Все принес?

Аменхотеп кивнул и молча поставил перед собой корзину Соломон встал со скамьи, подошел вплотную к нему и опустил взгляд к полу

– Покажи, что там, – велел царь.

Аменхотеп присел у корзины и поочередно извлек оттуда небольшого петуха, голова которого была замотана в тряпку, длинный и острый нож, пучки трав и благовоний.

– Хорошо, – кивнул Соломон. – Клади на место и уходи.

Аменхотеп встал с колен:

– Позволено мне будет спросить?

Соломон удивленно повел бровями:

– Ну, слушаю.

– Зачем мудрейшему из мудрых нужно это делать? – указал на корзину евнух.

Соломон медленно подошел к жертвеннику, осторожно прикоснулся к чаше и, не поворачиваясь к Аменхотепу, тихо произнес:

– Твой вопрос дерзок, египтянин, но я на него отвечу. Человек становится умным, когда познает все, что ведомо другим. А мудрым – когда знает, зачем ему это знание нужно. Я не знаю пока, зачем мне это нужно. Поэтому я только на пути к мудрости... в начале пути. Ты доволен ответом? – повернулся к евнуху царь.

Аменхотеп низко поклонился и, не меняя позы, покинул комнату.

Соломон проводил его взглядом и осторожно перенес корзину к жертвеннику.

Да, Мельхола... Мельхола... – подумал Соломон. – Сколько же лет она была женой моего отца? Дважды женой. Но она была еще и дочерью царя Саула и пользовалась большим влиянием на Давида. Слишком большим... И даже сейчас, после смерти мужа, царица остается одной из самых влиятельных женщин в государстве – одной из самых влиятельных и самой неприкасаемой...

Как-то Аменхотеп – глаза и уши царя в гареме – рассказал о странных обрядах, которые тайно совершала принцесса Мельхола вместе со своей преданной служанкой, амалекитянской Агадой. Аменхотепу несколько раз удалось подсмотреть, что и как делали они, и евнух клялся Соломону, что сам слышал, как женщины общались с демоном, вызванным колдовскими заклинаниями.

Скептический и недоверчивый Соломон сразу поверил евнуху. Поверил потому, что испытывал необъяснимую робость всегда, когда встречался с ней, когда ловил на себе загадочный взгляд ее черных, бездонных и по-прежнему прекрасных глаз. Этот взгляд – дерзкий, изучающий – дразнил и пугал царя еще с самого детства знанием чего-то того, что было недоступно и непонятно ему, и при встречах с Мельхой он всегда чувствовал раздражение и тревогу.

Соломон редко вспоминал свое детство: слишком много обид и разочарований выросло из него. Но, подумав о Мельхолье, он невольно вернулся к событиям десятилетней давности, сравнил ее со своей матерью – молодой, веселой, ласковой... Бат Шева была самой последней и самой красивой из всех жен Давида. По царь никогда не выделял ее из прочих: Бат Шева была его грехом, одним из многочисленных и одним из самых памятных... Она это понимала и любила Давида спокойно и смиренно, никогда не требовала особых условий и привилегий. Бат Шева и характером не походила на других жен – кичливых, сварливых, подозрительных; она просто была любимой женщиной царя, и Давид проводил с ней больше ночей, чем со всеми остальными вместе взятыми. Бат Шева умела любить Давида и, главное, слушать, понимать и принимать его таким, каким становился он всегда, когда переставал быть царем – капризным, мечтательным, постоянно подверженным смене настроений взрослым ребенком. Именно за тесную духовную связь с царем ее не любили в доме Давида – не любили ее и ее сына. Настолько, насколько Бат Шева была не походила на других жен, настолько же маленький Шломо был не похож на своих старших братьев, рожденных от других женщин царя. Низко-

рослый, полный и малоподвижный, он не участвовал в их играх и ссорах, только молча наблюдал со стороны бесстрастным, не детским взглядом... и мечтал. Мечтал о том, что обязательно станет царем, станет высоким, красивым и стройным. И братья, презиравшие его за неуклюжесть и мечтательность, будут завидовать ему и униженно просить прощения за все обиды, которые Шломо перенес от них. И он их простит, не сразу, но простит, потому что будет великим царем, – таким, как отец! Шломо мечтал об этом всегда: когда держался еще за подол материнской юбки, когда, учась мудрости у пророка Натана, рассеянно подергивал себя за редкую, юношескую бородку, когда однажды в укромном уголке отцовского дома, поспешно и скомканно, познал первую свою женщину...

Соломон достал из корзины петуха и, сильно сдавив ему шею, сорвал с головы повязку. Все это стало для царя привычным: он исполнял ритуал уже семь раз, упорно пытаясь повторить то, что проделывала Мельхола. И каждый раз безуспешно...

Соломон точным движением отрезал петуху голову и, прищурившись, наблюдал, как кровь покидала холодеющее тельце, заполняя жертвенную чашу. Ритуал только начался, но он вдруг почувствовал, что пространство вокруг начинает меняться. Возможно, ему показалось, что пламя стало гореть ярче, воздух пришел в движение, под ногами качнулся пол... Соломон засуетился, отшвырнул обескровленного петуха, быстро набросал в чашу пучки трав и благовоний, приговаривая подслушанные Аменхотепом заклинания.

Когда чаша наполнилась до краев, он высыпал поверх травы серый порошок и, сняв со стены факел, поджег смесь. Соломон сел на скамью и стал сосредоточенно смотреть на зелено-синее пламя. Комната наполнялась резким, дурманящим запахом. Так происходило всякий раз, когда он производил эти магические действия. Спустя некоторое время трава догорала, запах улетучивался, и Соломон, разочарованный и раздосадованный, покидал подzemелье, чтобы назавтра прийти сюда вновь...

Но сегодня что-то изменилось. Пламя горело ярче и зловещей, запах был сильнее и горше. Соломон сжался в комок, когда заметил, что дым над чашей, раньше всегда неподвижный, вдруг вытянулся, затрепетал и, словно управляемый чьей-то волей, потянулся к стене, расплылся по ней, приобретая человеческие очертания. Стена дрогнула, втягивая в себя дым, растянулась, выпустив из недр своих что-то серое, неровное, рыхлое. Оно оторвалось от стены, медленно поплыло в воздухе, постоянно меняя форму и очертания. Зависнув над чашей, нечто опустилось ниже и втянуло в чрево свое жертвенную кровь. Пепельно-серое превратилось в грязно-багровое... и живое. Спустя несколько мгновений оно потускнело и начало расплываться по всей комнате, растворяясь в пространстве и заполняя его. Видение исчезло, но Соломон чувствовал, что оно здесь, никуда не ушло, потому что воздух стал плотным и видимым. Это нельзя было выразить словами, но воздух в комнате стал таким, что, казалось, его можно потрогать руками.

– Звал меня? – раздался голос.

Соломон отчаянно завертел головой, пытаясь определить, откуда идет звук.

– Не крутись и сядь. Захочу – покажусь тебе. Зачем звал?

Соломон судорожно проглотил комок в горле и попытался унять предательскую дрожь в коленках.

– Кто ты?

– Так ты вызывал, не зная кого? – послышался хриплый смешок. – Это, скажу тебе, небезопасное дело. Может очень плохо кончиться.

– Я вызывал демона! – взял себя в руки Соломон. – Демоны должны являться тому, кто имеет над ними власть, – не очень уверенно добавил он.

– Да? – засмеялся голос. – Тысячи лет живу, а слышу об этом впервые. А что такое власть, и зачем она тебе?

– Сначала скажи: ты – демон? Кто ты?

– Мне становится скучно. А еще говорят, что Соломон мудр. Я вижу пока, что неинтересен и невежлив. Вызываешь того, кого не знаешь, и, думаю, зачем – тоже не знаешь. Ладно, поговорим, раз я сюда явился. Я не демон. Хотя это все гораздо сложнее, чем люди напридумывали, много сложнее. Я – Каин.

– Каин?! Тот самый Каин, сын Адама?

– Тот самый. А кого надеялся увидеть ты?

– Не знаю, я это делаю впервые... Каин! Но ты же был обречен Сущим на вечные скитания на Земле, скитания и гонения. Ты – человек, а не демон!

– Дааа! За тысячи лет люди не очень-то изменились, поглупели только без меры! – вздохнул призрак. – Что ты заладил про демонов? Ты их видел, знаешь что-то про них, кроме глупых сказок? Я – не совсем человек. Разве жил кто-то из смертных под небом тысячи лет?

– Нет, о таком мне неведомо. А почему именно ты явился мне сейчас? Мельхола своими заклинаниями вызывала тебя?

– А почему ты меня спрашиваешь? Спроси у Мельхолы.

– Хочу знать от тебя!

– А что будешь делать со знанием? Не боишься его? Многие знания умножают многие скорби!

Мудро! – подумал Соломон. – *Нужно запомнить.*

– Мельхола своими заклинаниями могла вызывать только смех, – продолжил Каин. – Да и ты тоже. Скучно мне, вот и явился. Много изменилось в мире с тех пор, как изгнан я был Господом. И наказание мое оказалось слишком строгим в свете того, что творят люди сейчас под небом. Вот скажи ты мне, царь, за что обречен я Всевышним на вечные скитания? Брата убил? А ты разве не убил своего брата? А отец твой, великий Давид, скольких людей он лишил жизни? Я по сравнению с вами святой праведник!

– Я не хотел смерти своему брату! Я не хотел забирать у него жизнь! – выкрикнул Соломон.

– Не хотел, а забрал! Ты еще и вор, мудрый царь. Потому что взял то, что тебе не принадлежало. Бог дал ему жизнь, а ты отобрал ее. Разве можно отнимать то, что не ты давал?

– Скажи мне, – изменил тему Соломон, – все это время ты скитаешься по миру?

– Нет, конечно... Всемиловитый справедлив, он смягчил наказание. Да и вы, люди, помогли в этом. Что мой грех по сравнению с вашими? Каждые пятьсот лет прихожу я в этот мир и живу какое-то время жизнью человеческой... не совсем, конечно, обычной жизнью...

– А остальное время?

– Этого тебе знать нельзя.

Соломон не нашелся, что возразить. В голове смерчем проносились мысли. Ему многое хотелось узнать у Каина, но им вдруг овладели страх и сомнения. Это не был страх перед незримым собеседником, Соломон понимал: если с ним не случилось ничего плохого сразу, то и сейчас не случится. Это был страх перед Знанием – Знанием, к которому он так стремился, и сейчас, стоя в преддверии его, засомневался, готов ли он к этому...

– Все спросил? – прервал его размышления Каин. – Тогда я пошел. Неинтересно с тобой, царь.

– Погоди, я хотел еще...

– Знаю я, что ты хочешь еще, – перебил Каин. – Ты хочешь узнать будущее и боишься услышать, что его у тебя нет. Ты хочешь узнать, что останется после тебя, и, главное, что скажут о тебе люди, и как долго ты будешь в памяти тех, кто придет через века. Ты имеешь сейчас все, что может иметь смертный, и поэтому хочешь, чтобы так было еще очень долго. Ты молод, но каждый твой вечер отравлен мыслью, что прожит еще один день, а, значит, осталось на один день меньше... Я приподниму перед тобой полог времени. Будешь ты великим и богатым

больше всех, бывших прежде тебя в Иерусалиме, и мудрость пребудет с тобою до истечения дней твоих. Будет тебе много радости от трудов великих и малых, и признание заслуг твоих будет без меры. Но когда остановит тебя рука Всевышнего на земном пути, когда оглянешься ты на дела свои, – поймешь, что все – суета и томление духа, и нет от дел человеческих пользы под солнцем.

Потому что все уже было, и что делается, то уже делалось, и все новое было уже в веках до тебя. Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется в памяти у тех, которые придут после. Наступит время, и ты поймешь это. Всему свое время... Время рождаться и время умирать, время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время уклоняться от объятий... Запомни это и не торопи жизнь, а то она побежит впереди тебя, и тогда не догнать ее... Ты хорошо слышал меня? – вопрос Каина заставил Соломона вздрогнуть.

– Да, я услышал тебя! Услышал в словах твоих мудрость, какую не услышать никому и никогда от смертных людей. И нет в мире награды, которой бы мог одарить я тебя за слова эти...

– Какая мудрость? – в голосе Каина послышалось раздражение. – Мудрость – плод страданий и сомнений, а это – просто опыт каждого дня из прожитых тысяч. Все давно уже пошло по кругу, и самой большой наградой станет для меня, когда круг этот разомкнется навеки. Только ни ты, ни кто другой не сможет для меня это сделать... Только Он – тот, кто дал, может забрать; только тот, кто замкнул, может и разомкнуть. Помни и ты об этом, царь Соломон, во все дни жизни своей помни...

– Клянусь тебе, кто бы ты ни был – человек или демон, клянусь, что слова твои высечены отныне в сердце моем! – с жаром выкрикнул Соломон. Он хотел еще что-то добавить, но понял, что в комнате уже один – нет ни дыма, ни голоса.

Соломон воздел руки к потолку и прокричал, пытаясь догнать исчезающий Голос:

– Я еще услышу тебя? Дано мне будет еще счастье говорить с тобой?

Слова ударились о стену, искривились болью в потолке и вернулись неуловимым, как лунный свет, шепотом:

– Не зови меня больше и не проси. Я сам приду, когда настанет время. Каждые пять веков люди будут находить то, что напомним им о третьем царе Израиля... каждые пять веков...

– Но ты мне нужен! Я не смогу теперь обойтись без тебя, – попытался удержать эхо Соломон.

– Можешь! Человеку не дано знать, сколь много он может! Когда будет очень трудно, когда боль и скорбь захлестнет твое сердце, приходи сюда еще раз. Ты найдешь то, что поможет тебе справиться. Только один раз...

Глава 2

*Все́му свое время, и время всякой вещи под небом:
время рождаться и время умирать;
время насаждать и время вырывать посаженное;
время убивать и время врачевать;
время разрушать и время строить;
время плакать и время смеяться;
время сетовать и время плясать;
время разбрасывать камни и время собирать камни;
время обнимать и время уклоняться от объятий;
время искать и время терять;
время сберегать и время бросать;
время раздирать и время шивать;
время молчать и время говорить;
время любить и время ненавидеть;
время войне и время миру*

Экклезиаст. Гл. 3

Старший кентурион десятого легиона Восточной армии Титу с Гонорий Плавт пребывал в дурном настроении. Последнее время ему чертовски не везло. Он пытался философски относиться к своему сегодняшнему положению, но эти попытки мгновенно разбивались, как тараном, воспоминаниями о совсем недавнем прекрасном и безоблачном прошлом. Если бы всего год назад кто-то сказал, что 25-летний красавец, старший кентурион Первой когорты Первого легиона армии Помпея, обладатель трех золотых цепей за египетскую кампанию и бесчисленных серебряных браслетов окажется здесь, в Иерусалиме, да еще и куратором самого грязного и беспокойного Восточного района, он бы плюнул ему в лживые таза!

Да, судьба человека переменчива и капризна, и на ней, как на ненавистных иудейских плащах, черные полосы чередуются с белыми. Только в моей судьбе черные полосы почему-то ложатся широко и часто... – думал Плавт, лениво наблюдая за облаком пыли, поднятым сирийской кавалерийской алой.

– Могу я обратиться? – вывел кентуриона из задумчивости голос.

Плавт нахмурился. Перед ним, заискивающе теребя нервными пальцами плащ, стоял опцион когорты Гракх.

– Ну, чтостряслось? – Плавт угрюмо посмотрел на легионера.

Гракх вытянулся в струнку.

– У нас кое-что случилось, произошли небольшие волнения...

Плавт схватил опциона за грудки.

– Что ты мямлишь, как римская шлюха, выклянчивая лишний сестерций! Говори внятно: что случилось?

– Наши ребята немного почистили дом хлеботорговца на улице Царицы Савской. Ну, он поднял крик... сбежались люди, началась потасовка...

– Хороши воины великого Рима! – окончательно разозлился Плавт. – Забыли о приказе командующего: в стычки с местным населением не вступать?

– Так жалованье уже два месяца не платят... да и взяли сущие пустяки – хлеба, вина... и там еще...

– Все живы? – прошипел кентурион.

– Ну, трое раненых у нас, и у них с десятков... Торговец со своими людьми закрылся в подвале, и наших двое с ним... пленники...

Плавт сплюнул под ноги опциону и точным, расчетливым движением вскочил на коня.

У дома хлеботорговца, на грязной и тесной улочке, собралось больше сотни разъяренных, громко орущих людей. Иудеи сгрудились вокруг нескольких окровавленных собратьев, лежащих в пыли посреди улицы и посылающих страшные проклятья в сторону стоящих поодаль римлян.

Плавт на полном скаку осадил коня, спешил, мгновенно оценивая обстановку. Иудеев и солдат было пять к одному. Пустяк в открытом сражении. Но на узкой кривой улочке с многочисленными подворотнями и лавками, из которых выглядывала еще, как минимум, сотня озлобленных глаз, это грозило перерасти в серьезную потасовку с сомнительным исходом.

Плавт оглянулся по сторонам и, увидев, что к ним рысью приближается та самая сирийская ала, приободрился и решительно поднял руку.

– Внимание и повиновение! – хриплым, сорванным голосом скомандовал он. – Именем великого императора Рима всем немедленно разойтись! За неповиновение – смерть!

Толпа при виде сирийских всадников с угрозами и проклятьями отступила на несколько шагов. От нее отделился довольно опрятно одетый молодой мужчина. Он решительно подошел к Плавту, с вызовом посмотрел ему прямо в глаза и на хорошей латыни зловеще произнес:

– Хочешь больших неприятностей, римлянин?

Рука Плавта инстинктивно сжала рукоятку меча:

– Ты мне угрожаешь, иудей? Захотел мучительной смерти?

Тот, нисколько не смутившись, продолжил:

– Твои люди, словно бешеные собаки, напали на дом уважаемого жителя Иерусалима и тяжело ранили нескольких ни в чем не повинных людей!

– Они уже повинны в том, что оказали сопротивление римским солдатам, выполняющим специальное задание!

– Специальное задание? Грабить бесстыдно среди белого дня – это специальное задание? Ты лжешь, куратор, и эта ложь дойдет до ушей твоего командующего! Или ты, кентурион, не знаешь, что есть указ о жестоком наказании за грабеж и насилие? Указ, подписанный нашим Первосвященником и вашим командующим! Так что не сносить головы твоим легионерам за грабеж и разбой и тебе – за покрывательство их.

Плавт быстро сообразил, что угроза эта не пустая, и уже спокойно и примирительно произнес:

– Я никого не покрываю, а хочу разобраться в том, что здесь произошло. Если мои люди неправы, они будут строго наказаны. Раненым мы окажем помощь, и они получают достойную компенсацию. С хозяином дома я поговорю сам.

И, видя недоверие в глазах собеседника, добавил, ударив себя в грудь кулаком:

– Слово Титуса Гонория Плавта – кентуриона и куратора!

Мужчина повернулся к толпе, окружившей их плотным кольцом. Он воздел руки к небу и торжественно прокричал:

– Слышали, братья? Преступники будут наказаны, а раненым и ограбленным будет оказана помощь и выдано вознаграждение. Римлянин дал слово!

Когда улица опустела, Плавт подошел к своим легионерам.

– Так, жалкие дети гиены, все расходы – из вашего жалованья. Все, как один, на две недели в караул безвылазно. Из лагеря отлучаться только за смертью! Ну, и чем поживились, недоумки?

Солдаты нехотя расступились, и Плавт увидел старинный полусгнивший деревянный ящик. Он многозначительно переглянулся с командиром алы и резко скомандовал:

– Всем немедленно в лагерь. Ящик доставить мне в палатку!

* * *

Плавт осторожно подцепил мечом петли и открыл крышку. Ящик был доверху набит тонкими глиняными табличками.

– О, нет! Боги, зачем вы издеваетесь надо мной? – разочарованно выкрикнул он.

– погоди! – сириец осторожно достал из ящика древнюю табличку, аккуратно стер с нее пыль. – погоди, погоди...

Он подошел близко к светильнику и начал медленно разбирать слова: «...На тридцать седьмом году царствования Давида над Иудеей и Израилем...»

– Что ты там возишься с этой иудейской рухлядью! – раздраженно сказал Плавт. – Выбрось этот хлам. Вон сколько пыли поднял. Пойдем лучше промочим горло: я знаю здесь одно более-менее приличное местечко.

Сириец с сожалением оторвался от чтения таблички и бережно положил ее в ящик.

За кружкой вина он спросил римлянина:

– Ты, наверное, здесь недавно, Плавт?

– Это, смотря как считать: мне кажется, что целую вечность!

– Да, здесь все отдает вечностью. Но, с другой стороны, платят неплохо, да и делать особенно нечего, пока.

– Почему – пока? Разве эти дикари способны на какое-то организованное сопротивление? – удивился Плавт.

– Вот вы все такие, римляне, заносчивости много, – улыбнулся сириец. – Я здесь уже третий год и кое-что понял. Да и историей немного интересуюсь. Они – фанатики! За своего мифического, невидимого Бога готовы пойти на смерть и с собой унести туда тех, кто посягает на их веру и свободу. Можешь мне поверить, Плавт, я здесь достаточно насмотрелся! И то, что римские легионы сейчас в Иерусалиме, это ненадолго. Появится среди них какой-нибудь пророк, и будет страшная резня. Вот увидишь, прольются реки крови – и нашей, и их.

Плавт презрительно фыркнул:

– Ну и сказочник ты! Какие реки? Да один легион справится со всем этим грязным сбродом!

Сириец покачал головой:

– Если бы так, если бы так... Ты знаешь, меня никто не может упрекнуть в трусости или паникерстве. Но если поднимется бунт, каждый дом, каждый куст, каждый камень на дороге будет нести нам смерть! Тогда и десять легионов не помогут. Их нельзя покорить, можешь мне поверить. Уничтожить можно – покорить нельзя!

– Ладно, время покажет, кто из нас прав, – махнул рукой Плавт. – Скажи лучше, зачем тебе эти варварские письма?

Сириец немного подумал.

– Понимаешь, когда-то, на родине, я занимался обжигом глины и изготовлением из нее различных изделий. Так вот, табличкам этим не менее тысячи лет! Не могу сказать тебе определенно, но, зная, как иудеи бережно и ревностно относятся к своему прошлому, можно попытаться продать эти таблички... в них, по-моему, говорится о каком-то их царе. Я не силен в иудейском, но знаю одного ученого человека в Риме и хочу, чтобы он все это прочитал и перевел. Тогда буду знать, как поступить дальше.

Плавт неодобрительно покачал головой:

– Я тебе, конечно, все это отдам, но уверен, что ты большой мечтатель. Никому не нужны эти грязные таблички. Через пару лет Израиль станет римской провинцией, и мы заставим их забыть своего смешного Бога, и какого-то жалкого царя.

– Ну что ж, – задумчиво произнес сириец, – нам не дано знать, что будет завтра. Тысячу лет хранились таблички в ящике, пусть пока полежат еще немного. Может, не я, так дети мои будут знать, что с ними делать...

Глава 3

Я, Экклезиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме; и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.

Видал я все дела, какие делаются под солнцем, и вот все – суета и томление духа!

Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать. Говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многих мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Экклезиаст. Гл. 1

...На тридцать седьмом году царствования Давида над Иудеей и Израилем постигла его тяжелая болезнь. Царь потерял интерес к жизни: больше не входил к женщинам, пищу принимал скудно и с отвращением. У него ничего не болело, только все чаще и чаще отказывали ноги и руки, пропадали голос и зрение. В самый жаркий день царь страдал от холода, и даже под толстым покрывалом его бил озноб. Во дворец привели юную красавицу, Ависагу-сунамитянку, которая призвана была согреть дряхлеющего Давида теплом своего тела. Но это тоже не помогало...

Болезнь его была странной и неведомой, и собранные со всего света врачеватели и мудрецы беспомощно разводили руками. От египетского фараона были доставлены для Давида мази и растирания; тирский царь Хирам прислал знаменитого колдуна – заклинателя демонов и покорителя диких зверей. Ничего не помогало – Давид таял, как догорающая свеча.

Это не замедлило отразиться на положении дел в стране: на западных и северных границах происходили волнения, наследники Давида раскачивали лодку власти, примеряя на себя царский венец. Пророк Натан, священник Садок и военачальник Ваня, сын Ахелуда, пытались удержать бразды правления от имени Давида, но их мало кто слушал.

Когда же царевич Адония, сын Агиффы, собрал на знатный пир братьев своих и многих влиятельных людей – противников Давида, а младшего из детей царя, юного Соломона, не пригласил, пророк Натан забил тревогу. Верные люди донесли ему, что на пиру том Адония объявил себя царем, и очень многие из присутствующих поддержали его.

Уже ранним утром следующего дня Натан, Садок и Ваня собрались в покоях у Вирсавии³, матери Соломона.

– Слышала ли ты, царица, сколь страшные события происходят сегодня в пределах Израилевых? – спросил Натан.

Вирсавия пожала плечами:

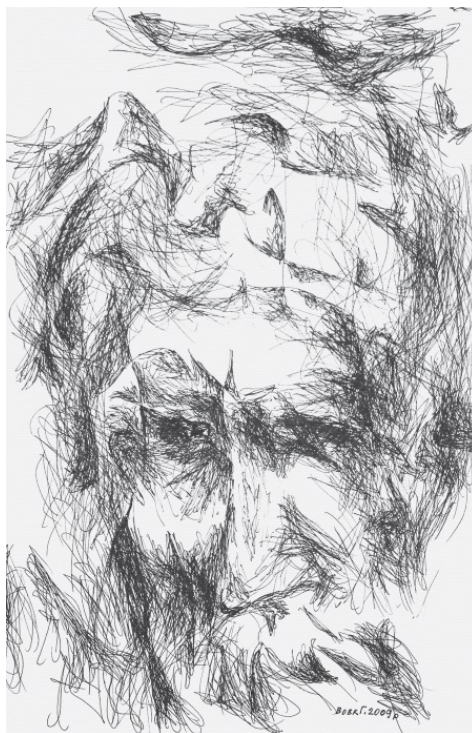
– Ты же знаешь, мудрый, что меня не интересует политика, только здоровье и благополучие возлюбленного хозяина моего, Давида... С ним что-то случилось плохое? – тревожно всплеснула она руками.

– Разве может быть хуже с царем, чем есть сейчас? Даже смерть была бы для него лучше, чем унижение, которое терпим мы от имени его! – сказал Садок.

Ваня повел мощными скулами и, положив руку на меч, резко произнес:

³ Вирсавия – греческое произношение имени Ват Шева.

– Казнить изменников немедленно! Всем отрубить преступные головы – публично, перед крыльцом царского дома. Примите решение, и мои хелефеи и фелефеи⁴ уже к полудню приведут сюда на веревке Адонию и всех остальных с ним.



Натан презрительно посмогнул на Ванею.

– Тебе всю твою жизнь мало было пролитой крови! Как можем мы это решить? Царь наш озяб, но не остыл еще перед Богом! Хочешь одно зло разрешить другим? Это будет еще большим грехом, чем то, что сделал Адония, объявив себя царем над Иудой и Израилем!

– Царем?! – вскричала Бат Шева. – Но ведь Давид клялся перед Богом, что Соломон унаследует трон!

– Поэтому мы и пришли к тебе, – мрачно произнес Садок. – Никогда, пока я жив, не прольется елей на голову Адонии!

– Больно ему это от тебя нужно. Ты что, уже стал Первосвященником вместо Авиафара? Адония легко найдет того, кто его помажет, когда покончит с твоей головой. Желаящих сыщется больше, чем надо, и первый из них – Первосвященник Авиафар! Казнить изменников немедленно! Пока вы тут болтаете, Адония соберет множество людей, желающих обнажить за него меч. Не забывайте, что он старше Соломона, а значит, прав на трон имеет больше, – настаивал на своем Ванея.

– Да, это так. В этом я поддерживаю Ванею, – Патан взял за руку Вирсавию. – Но только в этом. Мы все сейчас идем к Давиду. Только он законно может разрешить этот вопрос. И молитесь Богу, чтобы царь сегодня был в здравом рассудке!

В покоях Давида царил полумрак. Он сидел, обложенный подушками, на ложе, перебирая и перекладывая золотые украшения, горкой сваленные на постели. У его ног примостилась Ависага, тихо напевая заунывную песню.

Вирсавия подошла совсем близко, став прямо перед Давидом.

⁴ Хелефеи и фелефеи-телохранители Давида из критян и филистимлян, которых он набрал себе после того, как покорил филистимлян.

– Выйди прочь! – приказала она девушке.

Давид поднял взгляд на Вирсавию.

– А, это ты, Бат Шева... – тихо произнес он. – Давно я не видел тебя.

Вирсавия присела на ложе, взяла его за безжизненную, прозрачную руку, погладила.

– Одно слово, и я буду с тобой всегда...

– Всегда продлится недолго, – тяжело вздохнул Давид. – Что привело вас? – спросил он, глядя на Натана.

Тот подошел ближе, поклонился.

– Скажи, мой господин, обещал ли ты Бат Шеве, что Соломон сядет на престол после тебя?

– Обещал, и не только ей, но и перед Богом!

– Так настало время исполнить это! Адония устроил заговор в Иерусалиме и объявил перед приспешниками себя царем над народом Израиля и Иудеи, от Дана до Вирсавии⁵!

Давид сделал попытку встать, покачнулся и упал прямо в руки подбежавшего Ваней. Тот аккуратно поднял невесомое тело и осторожно усадил царя на скамью.

– Этому не бывать! – Давид собрал всю свою волю, его взгляд стал жестким, властным, прежним. – Пусть Бог покарает меня безумием, язвами и коростой! Пусть Бог продлит навечно страдания мои, если я позволю это сделать! Ванея! – закричал он. – Верны ли мне по-прежнему хелефеи и фелефеи?

– До последнего вдоха! – поклонился военачальник.

Давид кивнул головой:

– Возьмите сейчас моего мула, посадите на него Соломона и ведите к Гаваону, где у священного алтаря Садок помажет его на царство! И пусть там будут все слуги мои, и верные люди, и старейшины, и левиты во множестве, чтобы видел Израиль – сильна еще перед Богом воля Давида! И трубите громко в трубы и веселитесь. И пусть рекой льется вино, и еда будет для всех – от пророка до последнего нищего, чтобы видели все и знали – Соломон наследовал трон Давида перед Богом и Израилем!

Напряжение было столь велико, что силы оставили его, и на побелевшем, обескровленном лице выступили крупные капли пота.

– Воды! Принесите воды... – прохрипел Давид.

Переведя дух, он продолжил:

– После того приведете Соломона ко мне. Буду с ним говорить!

* * *

На следующий день внушительная процессия направилась от дворца к Северным воротам Иерусалима. Впереди, десятью шеренгами по двадцать человек в каждой, шли рослые, в полном парадном облачении, фелефеи и хелефеи. За ними, в роскошных одеждах, на царском муле, украшенном богато расшитым золотом ковром, двигался Соломон. Пророк Натан, священник Садок в сопровождении множества левитов⁶ с зажженными факелами в руках торжественно шествовали по обе стороны от Соломона. Шествие замыкали трубачи и толпа царских слуг, истошно выкрикивающих: «Слава царю над Израилем, Соломону! Осанна в Вышних!»

⁵ «От Дана до Вирсавии» – обозначало все пространство Израиля в длину, равно как выражение «от Вирсавии до горы Эфраимовой» указывало на всю ширину пространства царства Иудейского.

⁶ Левиты – представители колена Леви. Из них набирались служители Скинии, а позднее-Храма (певчие, музыканты, стража и т. д.).

Процессия медленно двигалась через весь город, обрастая на своем пути все новыми и новыми участниками. Особенно внушительной стала толпа, когда царь шествовал через нижнюю часть Иерусалима, где обитали мелкие торговцы и ремесленники, писцы и беднота.

Узкие улочки нижнего города, плотно застроенные домами из серого известняка, на плоских крышах которых коротали знойные ночи их обитатели, причудливо изгибаясь и пересекаясь, сходились к двум городским базарам. Дома, выстроенные стенка к стенке, в основном двухэтажные, отличались только размерами и наличием или отсутствием маленьких дворов, за высокими стенами которых прятались скудные пальмовые деревья и хозяйственные постройки. Достаток обитателей этих жилищ, близость их к чиновничьей элите верхнего города безошибочно определялись по ослиному резкому и гортанному крику, или протяжному, натруженно-грозному стону волов и мулов, порой напоминающих о своей тяжелой доле из-за высоких заборов. Улочки зажатые, как в тиски, домами, неряшливо и редко вымощенные необработанными камнями, были покрыты толстым слоем рыжеватой пыли, при малейшем движении и порывах ветра поднимающейся над раскаленными крышами домов. Таким был нижний – многоликий, шумный и непритязательный город, отделенный от зажиточной его верхней части крепостной стеной.

Верхний Иерусалим населяли богатые торговцы и их многочисленные родственники, чиновники царского двора, священники, полицейские и военная элита. Здесь улицы были шире, дома выше, серый известняк покрывала штукатурка, деревянные ставни окон, изготовленные из ценного ливанского дерева или отделанные им, украшала затейливая резьба. Заборы вокруг домов были ниже, чем в нижней части города – здесь не скрывали, а, наоборот, выставляли напоказ богатство, успешность, достаток. Одежда обитателей кварталов Верхнего Иерусалима отличалась зачастую изяществом отделки, разнообразием цветовой гаммы и украшениями...

Процессия оказалась настолько длинной, что когда Соломон со своей свитой достиг уже Гаваона, последние ее участники только покидали Иерусалим.

* * *

Как только торжества закончились, к отцу пришел Соломон. Давид сидел на троне, в праздничном одеянии. У его ног лежали ставшие среди народа легендой, прославленные в великих битвах царские щит и меч. Соломон опустился на колени и поцеловал край одежды Давида.

– Приветствую тебя, великий царь! – почтительно произнес он.

Давид улыбнулся:

– Еще не было под небом Израиля двух царей одновременно, – возразил он. – Или мне донесли ложно, что Соломона помазали из священного рога вчера в Гаваоне?

– Нет, не ложно, все было по воле твоей.

– Тогда не называй меня больше царем, просто отцом! Мне будет так приятней, Соломон.

– Пока ты, великий, да продлит Господь дни твои вечно, не преступишь порог в чертогах Сущего – ты истинный царь над народом!

Давид сделал протестующий жест:

– Хватит об этом. Помогите мне лучше дойти до покоев, устал я немного... там и поговорим...

– Слушай меня, Соломон, слушай внимательно! Думаю, что разговор у нас с тобой последний. Мое время ушло, а твое только приходит. Я покидаю этот мир спокойно, потому что знаю – ты будешь достойным царем, лучшим, чем был я. Поэтому я спокоен, поэтому Бог указал мне на тебя. Но быть царем – это не роскошь и развлечения, как думают твои беспут-

ные братья, а тяжелый груз сомнений и ошибок. У меня было очень много сомнений и еще больше ошибок. Особенно в молодости, когда я многое мог, но ничего не знал. Сейчас, когда я знаю, я ничего не могу – ни изменить, ни исправить. Я хочу, чтобы ты уже сейчас мог и то, и другое. И я верю, что так и будет! Ты становишься царем в смутное и тяжелое время, – Давид горестно вздохнул. – Я пролил много крови, создавая эту страну. Много малых и больших народов сейчас под рукой Израиля. Только удержать – сто крат труднее, чем покорить! Я строил страну так, как умел – огнем и мечом. Ты сделаешь ее великой – словом и мудростью. Так говорил Бог пророку Натану, так чувствую я грешным сердцем своим. Но кровь не только пятнает, но и очищает, особенно если это кровь врагов. И тебе тоже не миновать этой очистительной жертвы. Нельзя идти вперед, оставляя за спиной пропасть, нельзя строить новое на развалинах старого, как нельзя стать отцом, не познав женщины. Запомни в сердце своем то, что я сейчас скажу, и поклянись перед Богом, что исполнишь все, как бы ни противно было это духу твоему. Я правил мечом, а тебе предстоит править словом! Но слово становится тверже меча, когда сила его принесена на мече. Чтобы царствование твое не закончилось вместе со смертью моей, нужно безжалостно уничтожить главных врагов, лишить вождей тех предателей, которых во множестве развелось в Иерусалиме в дни немощи моей. Первым – Авиафара, сына Саруи – Первосвященника, незаконно помазавшего на царство брата твоего, Адонию. Семея, сына Геры, за то, что злословил меня и проклинал перед всем народом. Иоава, сына Саруи – главного военачальника, за то, что подло, из зависти, пролил кровь во время мирное лучших военачальников израильских, за то, что стал на сторону бунтовщиков сейчас...

– А как поступить мне с братом Адонией? – перебил Соломон.

Давид глубоко вздохнул:

– Как я могу советовать восстать на брата? Поступай с ним по мудрости своей. Только не принимай поспешного решения – родная кровь остается на руках всю жизнь, до самой смерти... поверь, я это хорошо знаю...

Глава 4

И сказал я в сердце моем: «И меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказал я в сердце моем, что и это – суета; потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто и, увы! Мудрый умирает наравне с глупым.

И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все суета и томление души! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это – суета!

И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем, потому что иной человек трудится мудро, с знанием и успехом, и должен отдать все человеку, не трудившемуся в том, в чем была часть его. И это – суета и зло великое! Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство: даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!

Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божьей; потому что кто может есть и услаждаться без Него? Ибо человек, который добр перед лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божьим. И это – суета и томление духа!

Экклезиаст. Гл. 2

В последний день траура по усопшему Давиду Вирсавия разыскала Соломона в хранилище. Он вместе с писцами Елихорефом и Ахией разбирал царский архив.

Вирсавия удивленно посмотрела на сына.

– Я с большим трудом нашла тебя. Разве с архива должен начинать свое правление царь?

– Ты сейчас искала сына или царя? – улыбнулся Соломон.

– Больше царя, чем сына, если одно можно отделить от другого, – после некоторого раздумья ответила она.

– Ну, если больше царя, то встретимся в полдень в тронном зале. Я хочу еще немного здесь покопаться.

Когда Вирсавия вошла в зал, Соломон уже восседал на троне, окруженный многими слугами. Увидев мать, он велел внести малый трон и, отослав царедворцев, усадил ее.

Вирсавия улыбнулась Соломону.

– Зачем столько торжественности? – спросила она. – Я пришла просто поговорить.

Соломон пристально посмотрел на мать.

– Если хотят просто поговорить, не разыскивают лично целый день по всему дворцу, а посылают слуг, чтобы узнать, где находится царь.

Вирсавия потупила взгляд.

– Да, истинно говорят, что Соломон мудр не по годам! Исполнишь ли ты просьбу матери?

– Как я могу ответить – да, если не знаю, в чем просьба и по силам ли мне ее исполнить?

Но если просит мать, то я могу смело сказать – да! Мать ведь никогда не попросит то, что

принесет вред ее сыну, или то, что он не в состоянии исполнить? Говори, я сделаю все, что смогу.

– Вчера у меня был Адония. Он просит в знак примирения между вами отдать ему в жены Ависагу-сунамитянку. Говорит, что воспылал страстью к ней.

– Да? И когда воспылал – сейчас или еще при жизни Давида?

Вирсавия пожала плечами.

– Не знаю. Какое это имеет значение?

– Действительно, какое? – ухмыльнулся Соломон.

– Я думаю, что ты можешь это сделать... Ради примирения. Зачем тебе эта глупая девчонка? – настаивала Вирсавия. – Адония опасный человек, и я хочу, чтобы между вами не было вражды.

Соломон встал с трона, прошелся по залу.

– Не думал я, что, став царем, не смогу выполнить первую же просьбу моей любимой матери, – задумчиво произнес он. – А царство мое он у тебя не просил? – вдруг зло выкрикнул он – Ты не понимаешь разве, что Ависага нужна ему не более, чем тебе? Трон ему нужен, трон! Так давай отдадим его Адонии вместе с наложницей!

– Но почему?

– Потому, – жестом остановил мать Соломон, – что тот, кто владеет имуществом Давида, его женой или наложницей, в глазах народа владеет и тронном! Половина военачальников, священников, чиновников и без того на стороне Адонии, готового в любую минуту поднять бунт против меня. Ависага не просто наложница – она согревала последние дни жизни Давида, и весь Иерусалим это знает! Поэтому просьба твоя к царю Соломону направлена против сына твоего Соломона. И я говорю тебе – нет!

Когда обескураженная Вирсавия ушла, Соломон позвал Ванею.

– Знаешь, о чем просила мать? – раздраженно спросил он. – Дать в жены Адонии Ависагу!

Ванея пожал плечами.

– Я бы дал ему в жены смерть! Я говорил, говорю, и буду говорить: Адонию надо уничтожить! Нельзя держать рядом с ложем скорпиона.

– Но он мой брат... и Давид завещал не трогать его.

– Ты знаешь, как я был предан царю Давиду, сколько раз подставлял грудь под копья, направленные в него. Поэтому имею право сказать то, что думаю. Так вот – Давид многое делал необдуманно, полагаясь больше на сердце свое и доблесть, чем на разум. Поэтому и наделал в жизни много ошибок. Ты же, прости меня, царь, не сможешь сравняться с ним в доблести. Но ум у тебя много выше доблести отца! Так что живи им и решай только сам!

Соломон удивленно посмотрел на Ванею.

– Да, трудно разобрать сразу, чего больше в словах твоих – искренности прямодушного воина или тонкой лести опытного царедворца...

Ванея махнул рукой.

– Понимай, как знаешь! Я так часто смотрел смерти в глаза, что не боюсь говорить правду, опасаясь наказания. Я сказал то, что думаю!

– Но Адония имеет много сторонников, да и в глазах народа он должен был наследовать трон по старшинству. Если убить его, может начаться смута, – если убить только его одного... – рассуждал Соломон. – Сколько человек в охране у Адонии? – жестко спросил он.

– Пятьдесят пеших наемников и два десятка конных.

– Пятьдесят и двадцать, – задумчиво повторил Соломон. – И у его окружения, наверное, еще столько же...

– Пусть это тебя не беспокоит, великий, – невозмутимо отреагировал Ванея. – Твои гиборим⁷ справятся.

– Тогда сегодня ночью и всех разом, понял? – сжал кулаки Соломон. – Знаешь, кого с ним вместе?

– Еще как знаю! – оскалился Ванея. – Выкорчем с корнями это гнилое дерево, великий царь!

– С корнями – это хорошо... – задумчиво произнес Соломон. – Авиафара не трогай! Он преданно служил Давиду и вместе с ним спас Ковчег Завета. Пусть идет из Иерусалима на все четыре стороны, Первосвященником ему больше не бывать! Ну, а с остальными – знаешь, как поступить... Да, и Семея гоже пока не трогай!

– Пока?

– Пусть поселится здесь, в Иерусалиме, под нашим наблюдением. Позже решим, что с ним делать...

* * *

Когда Ванея ушел, Соломона охватили сомнения. Тревога, родившаяся где-то глубоко в груди, быстро расширилась, расползлась по всему телу, отозвалась терпким холодком в онемевших ногах.

Правильно ли я делаю? Не много ли доверяю Ванею? То, что должно произойти этой ночью, повяжет меня с Ванею навсегда, до конца жизни одного из нас, а до этого не буду ли я зависить от него... или потом Ванею – тоже? – подумал он. – Нет! – отверг мысль Соломон – Нет! Я царь, а не убийца. И смерть Адонии нужна не мне, его брату, а царю Израиля во имя мира и спокойствия в стране. И у меня хватит ума и сил удержать Ванею на том месте, куда я его определяю!

Ванея был с Давидом много лет. Еще с тех пор, когда Давид, тайно помазанный на престол пророком Самуилом, прятался от царя Саула; с тех пор, когда они одержали великую победу над филистимлянами; с тех пор когда, скрываясь в горах, грабили и своих и чужих... Ванея, сын раба, погибшего на медных рудниках от непосильного труда, в очень короткий срок поднялся в армии Давида от простого десятника до начальника его личной гвардии. Безрассудный в бою и расчетливый в жизни, он сделал ставку на младшего сына Иесея еще тогда, когда судьба Давида в руках царя Саула была тоньше папируса и мягче воска. Давид был единственным шансом Ваней – шансом погибнуть вместе или вместе вознестись. Сын раба мог стать только рабом – так было в Израиле и так было везде и для всех, но только не для Ваней. Собственная жизнь для него стоила меньше, чем желание стать свободным и богатым. Ванея шел к власти не путем интриг и заговоров, он шел к власти путем жертвы собственной крови, расточительно теряя ее в набегах и битвах. И он сумел обмануть судьбу – стать не только командующим армией Израиля, но и самым доверенным царедворцем Давида и Соломона...

К утру все было закончено, и только крики женщин, посыпающих головы пеплом, и пятна крови, ржавчиной проступающие сквозь свежий песок, свидетельствовали о том, что Соломона на царство помазали не только елеем. Но разве можно было удивить этим Иерусалим, разве мало женского плача и мужской крови видел этот великий город во времена Давида? Стенания, рожденные в доме Адонии, подхваченные саваном черной ночи, горячей волной пронесли над ним – над садами и конюшнями, базарами и домами: пронесли и растворились в песках Великой Пустоши.

⁷ Гиборим (ивр.) – охрана Соломона.



Никто в спящем Иерусалиме не встал со своего ложа, никто не зажег светильник, никто не оплакал царя-однодневку. Только высоко на холме, в доме Давида, на террасе, нависшей над городом, вздрогнул человек и закутался зябко в царский плащ.

* * *

К полудню следующего дня Соломон собрал в тронном зале царедворцев, влиятельных людей, старейшин, священников. Он внимательно всматривался воспаленными глазами в лица, подолгу останавливал пристальный взгляд на каждом, словно пытаясь проникнуть в их мысли, понять, как изменила их прошедшая ночь. И никто из тех, кто стоял сейчас перед Соломоном, не смог удержать его тяжелый взгляд, не посмел ответить на его вызов. Только глаза Ваней смотрели прямо и бесстрастно.

«Сегодня я стал царем! – подумал Соломон. – Не тогда, когда помазал меня елеем Садок! Сегодня ночью меня помазал мечом Ваня...»

Соломон, при виде всеобщего покорства, расслабился, обмяк, развалился на троне.

– Сегодня ночью приснился мне сон, – нарочито тихим голосом произнес он. – Дивный сон... Хочу поведать вам и услышать, что скажете.

Соломон встал с трона и подошел к окну.

– Пошел я в Гаваон, к святому источнику, и присел у вод его на камень отдохнуть после дороги дальней. И явился мне Господь наш единый голос дивным и спросил, доволен ли я тем, что сделался царем над Израилем? И ответил я Господу: «Разве можно быть недовольным волей Всевышнего?» Тогда сказал Он: «Проси, что хочешь, ибо люб ты мне от рождения твоего». И ответил я: «Отец мой, Давид, царствовал сорок лет над Иудеей и Израилем. И собрал он весь свой народ под десницей Твоей, в едином царстве. И исполнял он волю Твою во все дни жизни и завет Моисеев и пророков. И почил он в согласии и умиротворении. А я молод еще годами и взошел на трон его, не зная, где вход и где выход и как управлять многочисленным народом Твоим, как удержать и приумножить то, что сорок лет создавал отец мой. Если милость Твоя пребывает со мной, даруй мне ум светлый и мудрость, чтобы мог я судить по

справедливости народ Израиля, чтобы мог сделать его сильным перед врагами». И ответил мне Господь: «За то, что не просишь у меня долгих лет и большого богатства, за то, что не просишь у меня славы великой, дам я тебе и мудрость, и годы, и славу. Богатство твое будет неисчислимо, враги твои будут унижены, и слава твоя переживет тебя...» Хотел я о многом еще спросить у Господа, только растаял голос в небе высоком, и проснулся я... Как думаете, был ли тот сон пророческим, и что значит он для меня и для Израиля?

Присутствующие переглянулись и, как один, посмотрели на Натана. Тот кашлянул и сделал шаг вперед.

– Нет! – остановил его Соломон. – Пророк говорит устами Всевышнего, когда сам слышит голос Его. Поэтому негоже толковать Натану чужие сны. Хочу послушать вас, мудрые слуги и друзья мои.

В зале наступила мертвая тишина.

Соломон сел на трон, поджал губы и, ехидно ухмыльнувшись, произнес:

– Нечего сказать? Какая же польза мне от вас? Зачем кормитесь тогда со стола моего и деньги берете из рук моих? Ты – Иосафат, сын Исаяи, как сказали мне, пишешь историю Израиля – древнюю и настоящую? – указал Соломон в сторону пожилого мужчины.

– Да, я веду летопись в меру скудных сил своих и способностей, – поклонился писатель.

– Вот и покажи меру своих способностей. Растолкуй сон мой. Или ты полагаешь, что сон этот не достоин внимания историка?

– Нет, великий! Сомневаюсь только, достоин ли я толковать сон этот перед тобой и уважаемым обществом...

– Твои слова сейчас наполнены воздухом. Не путай сам себя пустыми словами, – перебил Соломон. – Говори!

* * *

На улице услышал Иосафат торопливые шаги за спиной. Он обернулся и увидел царских писцов – братьев Ахию и Елихорефа.

– Постой, уважаемый Иосафат, не торопись! – подбежали к нему братья. – Ну и быстры ты, несмотря на преклонные годы! Еле догнали, – отдуваясь, произнес Елихореф.

– Быстрые ноги – долгая жизнь! – улыбнулся Иосафат – Особенно во времена теперешние. Чего хотели?

– Давай промочим горло где-нибудь поблизости. Что стоять на дороге? Солнце совсем сошло с ума: вот-вот голова запылает.

– Послушай, Иосафат! – начал Елихореф, отставив в сторону чашу. – Что думаешь о сегодняшнем собрании у Соломона?

Иосафат лукаво посмотрел на него.

– А что мне теперь думать? Царь думает за всех.

– Ну да, ну да... – закивал Ахия.

– Только мы ведь неспроста спрашиваем, – подался вперед Елихореф. – Сам видишь, как все поворачивается. Давид, да будут покойны дни его в мире ином, совсем не интересовался, кто и что про него пишет. А тут... – он отпил большой глоток вина. – А тут, неровен час, голову потерять можно, если царю не понравится. Скажи откровенно, что думаешь про сон Соломона?

– Яркий сон... образный. Глупому человеку такое не приснится, а если и приснится, не перескажет он так красиво.

Ахия оглянулся по сторонам.

– Что ты говоришь, как на собрании? Красивый, некрасивый... Ты знаешь, о чем мы спрашиваем!

Он совсем близко наклонился к Иосафату и шепотом продолжил:

– Чувствую, круто повернулись времена. Мы с тобой не просто слуги царя, носящие за ним опахало или подающие пищу. Запишешь что-то не то или не так, как Соломону угодно, и не исправить потом. Головой расплатишься за ошибку свою! Ты тоже теперь не вольный писатель, а такой же подневольный, как и мы. Вместе надо быть, каждое слово обдумывать!

– Чего ты так разволновался? – удивился Иосафат. – Пиши все, что царь говорит, и так, как говорит – не ошибешься.

– Ты так думаешь потому, что видел Соломона сегодня впервые и не знаешь еще его. Попробуй, запиши за ним, когда он не договаривает, или говорит загадками. Трудно понять его, когда нет определенности в словах.

– Ну что же, может, вы и правы... – задумчиво произнес Иосафат. – Чувствую, что теперь Историю буду писать я под бдительным царским оком... что я могу посоветовать вам и чем помочь? Имейте при себе всегда несколько восковых табличек, чтобы можно было переписать по настроению Соломона. И не спешите слова на глину переносить, время часто многое меняет, и слова тверже камня становятся.

Глава 5

Познал я, что нет для людей ничего лучшего, чем веселиться и делать доброе в жизни своей. И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – Дар Божий.

Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек: к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить, – и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его.

Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее.

Экклезиаст. Гл. 3

Накануне праздника Кушей собрал царь всех своих приближенных – членов Совета. Это никого не удивило: Соломон взял за правило проводить такие встречи постоянно. Раз в неделю главный казначей и сборщик податей Адонирам, сын Авды, докладывал о состоянии финансов; Ванея – о положении в армии и делах на границах; Завуф, сын Натана – о торговле и заморских сплетнях; Аменхотеп и Ахисар – о нуждах гарема и дворцовом хозяйстве; начальник над приставниками⁸ Азария, сын Натана – о поставках продовольствия...

Но сегодняшнее собрание было расширенным, и на него, кроме царедворцев, пригласили старейшин, пророка Патана, главных священников, левитов, воинских начальников.

Когда зал заполнился, и Ахия переписал всех присутствующих, царь кивнул Вансе, и тот начал доклад.

Соломон внимательно выслушал его, казначея, главного приставника и подвел итог.

– Сдается мне, что я напрасно трачу время, призывая вас сюда, ибо каждый раз слышу одно и то же.

– Это свидетельствует о том, что в государстве все, слава Создателю, благополучно, – возразил Садок.

– Это свидетельствует о том, что мои приближенные не знают положения дел или скрывают его от меня. Но, к счастью, я сам имею хорошие глаза, да и в наушниках у нас недостатка нет. Четыре месяца прошло с того времени, как ушел от нас царь Давид, но кроме бесконечных пиров по поводу моего помазания, приближенные, опора трона, ничем больше не занимаются. Так мы с вами очень быстро вернем Израиль к временам патриархов.

– Было бы совсем неплохо... – проворчал Натан.

Соломон сделал вид, что не расслышал, и продолжил:

– Много ли стран прислали послов своих, чтобы засвидетельствовать мне мир и дружбу?

– От царя Хирама прибыли люди. Иевусеи выразили почтение, хетяне привезли дары...

– вспоминал Садок.

– Немногие, – нахмурился Соломон, – немногие...

– Мы имеем достаточную армию, чтобы вернуть себе почтение соседей. А еще лучше, их страх! – сказал Ванея.

– Это мы всегда успеем сделать. Есть и другие пути... Я решил взять в жены дочь фараона! – решительно произнес Соломон.

Присутствующие переглянулись, по залу пронесся шепот неодобрения.

⁸ Приставники – представители царя во всех Коленах Израиля (12 человек), обеспечивающие каждый на один месяц поставки продовольствия во дворец Соломона: Бен-Хуш; Бен-Декер; Бен-Хесед; Бен-Авинодав; Ваана, сын Ахелуда; Бе-Гевер; Ахинодав; Ахимаас; Ваана, сын Хушая; Иосафат; Шимей; Гевер.

– Как понимать это, Соломон? – вперед выступил Натан. – Зачем Израилю египетская принцесса? Разве забыл ты, что были мы рабами в Доме фараона? Египет наш извечный враг!

– Все так думают? – напрягся Соломон.

Он встал с трона и подошел к Натану.

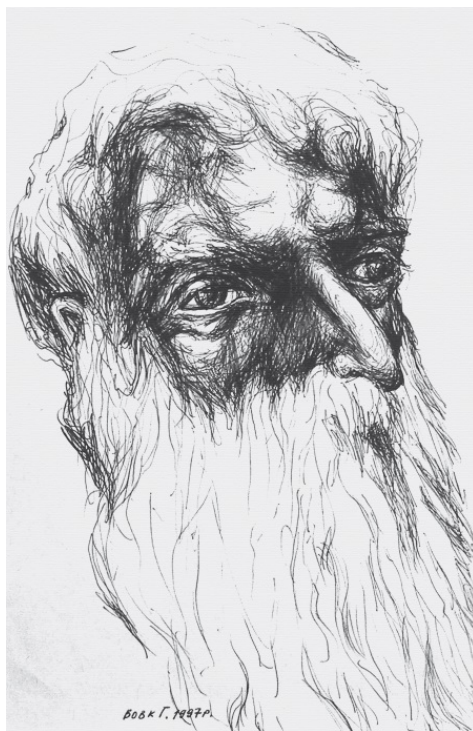
– Скажи мне, пророк, из какой ткани сделаны твои одежды?

Натан удивленно посмотрел на царя.

– Из льна... А почему ты спросил?

Соломон не ответил, только удовлетворенно кивнул.

– У тебя мощный меч, с искусно выделанной рукояткой, – обратился он к Ванее. – Где в Израиле делают такое прекрасное оружие? Где в Израиле выращивают коней для армии и изготавливают грозные колесницы? – повысил голос Соломон. – А украшения, которые носят ваши жены, а благовония, и еще тысячи необходимых для жизни вещей? Ответьте вашему неискушенному царю – где? Он не знает! Молчите? Тогда отвечу я – не делают нигде! Все это привезено из Египта или Финикии. Почему же вы всем этим пользуетесь? Почему носите одежду и оружие из страны своих врагов?



Соломон уселся на трон.

– Я не случайно задавал вам эти вопросы. Я не хочу вернуть страну к тем временам, когда Израиль занимался только земледелием и скотоводством, обеспечивая скудные потребности свои исключительно за счет непосильного труда.

– Не понимаю, при чем здесь египетская принцесса? – не унимался Натан. – Она что, умеет прядь ткани или делать оружие?

– Когда-то, учитель, ты говорил мне: «То, что приносит пользу народу Израиля, должно быть приятно и царю», – подавив вспышку гнева, натянуто улыбнулся Соломон. – Я не знаю, что умеет делать египетская принцесса, но я знаю, что когда я породнюсь с фараоном, мы не будем опасаться нападений на наших южных границах. Египет сегодня не настолько силен, чтобы идти на нас войной, но и не настолько слаб, чтобы мы не допускали такой возможности в недалеком будущем. А я хочу много лет мира для Израиля, потому что нам нужны красивые дворцы и Храм, дороги и укрепленные города вместо слез и крови! – Соломон ударил кула-

ком по подлокотнику трона – И я возьму в жены египетскую принцессу, и не только ее! За невестой идут мир и торговля! Вас же я пригласил для того, чтобы обсудить, какое посольство послать нам в Египет, что передать в дар фараону и его дочери. Это очень важно! Мы должны продемонстрировать Египту, что Израиль богатая и сильная страна. Поэтому, кроме даров, он должен увидеть и нашу военную мощь. Ванею нужно будет лично отобрать самых лучших верховых лошадей. Щиты и одежду воинов отделать золотом и серебром. Числом их должно быть не меньше трехсот! Взять в сокровищнице самое красивое и ценное из даров, присланных Израилю сейчас и в прежние времена. Не скупиться и не жалеть – все вернется сторицей! Подготовку поручаю Ванею и Аменхотепу – как человеку, знающему обычаи и вкусы египтян. Все буду проверять лично, все до самой последней мелочи!

– А кто возглавит твое посольство, великий? – спросил Ванея.

– Хороший вопрос... – задумался царь. – Иосафат, сын Исайи! – всплеснул руками Соломон. – Кому же, как не ему можно доверить это? Иосафат, как мне показалось, многое знает, рассудителен и остер умом. Пусть египтяне увидят, что израильтяне не сборище диких племен, а образованный и великий народ!

Когда собрание закончилось, Соломон попросил остаться Ванею, Садока и Натана. Слуги внесли в зал скамьи, и царь предложил всем присесть. Это подчеркнуло доверительность и важность предстоящего разговора, так как в присутствии царя приближенные всегда должны были стоять; исключение делалось только для некоторых послов иностранных держав.

Когда все расположились, Соломон велел принести вино, фрукты, сладости и присел рядом с царедворцами.

– Вы не только самые влиятельные люди в Израиле, но, надеюсь, и преданные друзья мои. Поэтому у меня нет от вас тайн, и я очень надеюсь, что вы меня поймете, как никто другой. Мой покойный отец, да будет благосклонен к нему Суший в мире ином, указал на вас, как на опору Престола. Поэтому кто же, как не вы, должны поддерживать царя в его начинаниях?

Ванея вскочил, с вызовом посмотрел на присутствующих и ударил кулаком себя в грудь.

– Я всегда с тобой, господин, даже если ты прикажешь мне умереть!

Соломон поморщился и произнес:

– Сядь, Ванея, я ценю твою преданность мне и памяти отца моего... Так вот, – продолжил он, – мне, как и большинству народа Израиля, ненавистен Египет, – Соломон многозначительно посмотрел на Натана. – Эта ненависть вошла в меня, как и в вас, вместе с кровью и молоком матери. По меняются времена, и голос рассудка должен возобладать над голосом крови. Наша многочисленная армия не имеет практически ничего, кроме доблести. Но доблесть побеждает врагов только тогда, когда она хорошо вооружена. Иначе она захлебывается в потоках собственной крови!

– Разве нам кто-то сейчас угрожает? – недоуменно пожал плечами Ванея.

– Сейчас – нет. Но Бог поселил нас среди других народов. Разве мы можем считать иевусеев, идумеян, филистимлян и других нашими друзьями или хотя бы преданными союзниками? Увы, тоже нет! Я знаю, что наше посольство в Египет вернется ни с чем. Знаю, что фараон сочтет мое предложение породниться с ним дерзким и вызывающим. Но он увидит это посольство, увидит могучих, отлично вооруженных воинов, богатые дары, которые в состоянии преподнести только очень сильное государство, и это даст глубокую трещину в укоренившемся в веках презрительном отношении к нашему народу

– Не думаю, что посольство, каким бы внушительным оно ни было, изменит отношение фараона к Израилю. Не забывай, царь, и о том, что в Египте живет в изгнании идумейский принц Адер – наш заклятый и недобитый враг! И фараон благоволит ему. Насколько мне известно, Адер окружен большими почестями и является крупным военачальником в египетской армии, – заметил Ванея.

– Правильно, очень правильно! – воскликнул Соломон. – Это тоже часть моего плана! Египет сегодня переживает тяжелые времена. Внутри него происходят разброд и шатания. Если ничего не изменится, фараон в недалеком будущем может потерять трон, и он это понимает. Фараону, как и нам, очень нужен могучий и верный союзник. И мы для него можем значить то же самое, что и он для нас. Я уверен, после тяжелых раздумий фараон поймет это. Он пожертвует и Адером, и дочерью ради союза с Израилем. Фараону очень нужен, кроме прочего, свободный доступ товаров из Финикии. А самый короткий путь караванов пролегает через наши южные земли! И это крайне важно для изнеженного и привыкшего к роскоши Египта.

– Хорошо, пусть так, и это будет когда-то, но что сейчас получит Израиль от этого союза, кроме народного возмущения? – покачал головой Садок.

– Когда фараон преодолеет свое высокомерие и согласится на мой брак с дочерью своей, я попрошу в приданое за ней крепость Газер! Скажи нам, Ваня, хорошо ли укреплен Газер?

Ваня нахмурился.

– Это почти неприступная крепость. И чтобы ее взять, нужно положить многие тысячи голов.

– Я тоже так думаю. Вот пусть фараон и воюет с хананеями, пусть проливает кровь своих солдат.

– А если он откажется от войны за Газер? – усомнился Ваня.

– Вот тут и есть моя ловушка для фараона! – воскликнул Соломон. – Не откажется, потому что ему для укрепления собственной власти нужна серьезная военная победа. А с осадными орудиями и хорошо вооруженной армией фараон знает, что возьмет Газер. И этим покажет всем врагам в Египте силу своей власти, а Израилю – мощь египетского войска. А мы получим неприступную вражескую крепость, как проказа вросшую в нашу землю, не пролив ни одной капли крови, и устраним этим самого опасного сегодня врага – хананеев. А когда Газер будет нашим, станет безопасным и беспрепятственным путем к порту Яффа! – Соломон поднял руки и потряс кулаками. – Понятен теперь вам мой замысел? – голос царя дрожал от возбуждения.

– Да, Газер – это нарыв на теле Израиля, здесь нечего возразить, – кивнул головой Натан. – Но как мы можем допустить, чтобы египтяне воевали с кем бы то ни было на нашей земле? Ты хочешь впустить армию фараона в Израиль? А если он, взяв Газер, не остановится и направит свои колесницы на Иерусалим? – закричал Натан. – Это неслыханно!

– Тогда мы встретим его и уничтожим! – вскочил Ваня. – Я поддерживаю царя!

Наступила тишина.

– Ты действительно поражаешь нас своей мудростью и дальновидностью, Соломон, – прервал молчание Садок. – Но даже ради политических выгод, которые ты здесь так блестяще живописал, все равно не следует вступать в брак с египетской принцессой! И ты никогда не сможешь меня в этом переубедить. Это нарушение Заповедей Господних! Я знаю, что меня можно сместить или лишить жизни, но народ Израиля не убьешь, а он восстанет, как один, если ты приведешь египтянку в дом Давида! Слишком велика ненависть к стране, где праотцы наши были унижены и растоптаны!

Соломон нахмурился и удрученно покачал головой.

– Как же вы все не понимаете! – он вскочил со скамьи и стал ходить по залу. – Разве суть в том, кто станет женой царя – египтянка, филистимлянка, израильтянка или хеттеянка? Суть в том, что она принесет мир в Иерусалим! Давид отвоевал этот славный город у иевусеев. Ваня лучше других знает, сколько крови наших братьев было при этом пролито. И вот этот город – Иерушалаим – называют сейчас городом Давида, столицей Израиля! Зачем ему нужен был он? – Соломон воздел руки к небу. – Затем, что Давид понимал: должен быть у народа город, которым бы он гордился; город, который объединит разрозненные племена Израиля; город, в котором будет великий Храм Великого Бога!

Соломон тяжело вздохнул и устало опустился на трон.

– А египетская принцесса не переступит порог дома Давида. Я выстрою для нее отдельное жилье... – тихо добавил он и продолжил: – Давид завоевал этот город, а я его отстрою и укреплю. И пусть покарает меня Бог страшной карой, если это не будет самый прекрасный и сильный город во всем Ханаане! И здесь будут жить люди Израиля и люди иевусеев и хананеев. И будет мир, будет торговля и процветание! Так я хочу, и так будет! И если нет у кого-то из вас поддержки этому, встаньте сейчас и уйдите с миром. Никто не тронет вас во всех чертогах Израиля, но и под рукой моей вам не бывать более!

Глава 6

Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда. И сказал я в сердце своем: «праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там». Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные; потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета!

Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю? Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?
Экклезиаст. Гл. 3

Как только посольство в Египет покинуло Иерусалим, Соломон начал готовиться к визиту в Финикию. Путешествие в Тир он задумал давно, еще при жизни Давида, но тяжелая болезнь отца и постоянно нарастающая борьба за власть между различными группировками царедворцев не позволила тогда осуществить этот замысел. Сейчас обстановка в стране была еще более напряженной: по Израилю поползли подхваченные жарким ветром слухи о скорой женитьбе царя на египетской принцессе. Враждебно настроенные левиты посылали проклятия дому фараона, неустанно напоминали людям о страданиях и унижениях народа Израиля во времена египетского рабства. Да и пророк Натан, учитель Соломона, авторитет которого в Израиле был непререкаем, не понял и не поддержал его в трудную минуту, а возмущенный и раздосадованный, демонстративно покинул Иерусалим. В городе, в самых людных местах, неуловимыми серыми тенями сновали противники царя, подогревая и без того распаленные щедрым солнцем еврейские головы разговорами о том, что Соломон незаконный правитель, так как избран был не старейшинами Израиля, а назначен волею отца и пророка Натана. Все это, вместе взятое, составляло серьезную угрозу не только власти, но и самой жизни Соломона. И все же после недолгих сборов он тайно отправился в Финикию. Отъезд царя, как и власть в его отсутствие, обеспечивали Садок и Ванея. Соломон знал, что Финикия богатая страна, а Тир, ее столица – прекраснейший, хорошо защищенный город, и любые попытки удивить царя Хирама окажутся жалкими и смешными. Поэтому его скромную свиту составили всего сотня пеших фелефеев и хелефеев, пятьдесят конных гиборим и десять боевых колесниц – ровно столько, сколько посчитал необходимым Ванея для обеспечения безопасности Соломона в пути.



Это была первая его поездка за пределы государства – первая из немногочисленных в будущем; поездка, положившая начало великой славе Израиля и бессмертию его третьего правителя – Соломона. Впрочем, это будет позже, а сейчас царь, с тревогой в сердце, в первый раз покидал свою беспокойную и непокорную страну...

* * *

Хирам, давний друг Давида, искренне обрадовался визиту Соломона. Пренебрегая всеми правилами, он встретил его далеко за пределами своего дворца, заключив уставшего царя Израиля в объятия. Две недели в гостях пролетели для Соломона, как один короткий миг. Он был поражен тем, что узкая, каменистая полоска земли, прижатая к берегу Средиземного моря, руками трудолюбивых и искусных финикийцев была превращена в сказочную, надежно укрепленную страну. Великолепные дома и дворцы, утопающие в зелени, располагались вокруг уютных гаваней и портов. Многочисленные корабли доставляли товары со всех концов света – товары, которые по добротным, широким дорогам покидали страну, обеспечивая Финикии неиссякаемый и живительный источник чистого и всемогущего золота! Соломон, стоя часами на высоком холме, с завистью наблюдал, как пестрый и многоязыкий людской муравейник, с раннего утра и до позднего вечера, кропотливо и упорно наполнял необъятную казну царя Хирама достатком и могуществом. В один из таких дней, на этом самом холме, откуда открывался завораживающий вид на сказочный цветок под голубым небом – Финикию, он дал клятву себе перед Богом построить великий Израиль – богатый, могущественный, вечный!

За день до возвращения Соломона в Израиль у него с Хирамом состоялся важный разговор.

– Понравилось ли тебе у нас, Соломон? – учтиво спросил царь Финикии.

Они расположились на террасе царского дворца, среди экзотических растений, укрытые от палящего солнца живым зеленым пологом.

– Финикия – прекрасная страна! Разве может она не понравиться?

Хирам широко улыбнулся.

– Я рад, что пребывание здесь не вызвало у тебя разочарования. Ты ведь знаешь, мы дружили с твоим отцом, Давидом, и не просто дружили, но были верными союзниками в военные и мирные времена.

– Я очень ценю расположение Финикии к Израилю и дружбу, которая была между тобой и моим отцом. В наше беспокойное время это дорогого стоит...

– Что ж, рад это слышать! – одобрительно сказал Хирам. – И я напомнил об этом для того, чтобы ты знал: с моей стороны ничего не изменилось. Ты провел здесь половину месяца, но я не знаю пока истинной цели твоего визита. Не думаю, что царь Соломон проделал долгое путешествие только для того, чтобы полюбоваться красотами Тира и просто побеседовать с давним другом дома Давидова.

Соломон развел руками.

– Ты воистину прозорлив, царь Финикии! Я с радостью и почтением принимаю твою дружбу. И буду говорить так открыто, как не могу пока говорить ни с кем в собственном доме. Да, не только красоты этой прекрасной земли привели меня в Финикию. Наши страны связывала личная дружба царей, славные военные победы и взаимовыгодная торговля. Об этом не раз говорил мне отец.

– Да, мы хорошо торговали. Особенно в последние годы, – согласился Хирам.

– Я еще молод годами, но хочу не просто сохранить то, что оставил после себя Давид, а стократ приумножить! – Соломон встал с кресла, подошел к краю террасы и провел рукой по искусно отделанным слоновой костью перилам. – Здесь, – Соломон развел руками, – все построено на века, все дышит изяществом и роскошью. Израиль большая страна, и сделать ее такой же много сложнее, но я это сделаю! – он круто повернулся, и Хирам увидел лихорадочный блеск в глазах юного царя. – Сделаю! – ударил Соломон кулаком по перилам. – Бог свидетель, я это сделаю!

Соломон вернулся в кресло и уже спокойно произнес:

– Если ты не против, мы увеличим, значительно увеличим нашу торговлю. Я сделаю сильной армию, построю города и укреплю границы... Но для этого мне нужно золото, много золота! – Соломон бросил быстрый взгляд на Хирама. – И это золото я буду просить у тебя.

Хирам улыбнулся.

– Мои возможности не безграничны, – он развел руками. – Но если ты скажешь, сколько тебе нужно, возможно, мы и сможем помочь.

– Не так много, чтобы ты отказал, но и не так мало, чтобы я мог без этого обойтись... – сто двадцать талантов⁹ будет тебе по силам?

– А что ты сможешь дать в залог, под обеспечение этой суммы? – уклонился от прямого ответа Хирам.

– Двадцать больших поселений в Галилее с людьми и их имуществом, – не задумываясь, сказал Соломон. И быстро добавил:

– Это будет с лихвой, можешь мне поверить.

Хирам рассмеялся.

– А ты хорошо подготовился к разговору. Не зря до меня доходили слухи о мудрости Соломона! Ну что ж, я, пожалуй, дам тебе сто двадцать талантов! Но ты покажешь мне сначала эти поселения.

Соломон пожал плечами.

– Они все на нашей границе, покажу с радостью... Но это еще не все, – притворно вздохнул он. – Мне нужны материалы для постройки города и Храма, искусные рабочие... Много

⁹ Талант – счетная монета евреев (около 35 кг), равнявшаяся 60 минам, или 6,000 драхам, или 3,000 священным сиклям. Подобно всем прочим монетам она изменялась в своей ценности в различные времена и в различных местах; локоть – мера длины, приблизительно 50 см.

материалов и много рабочих. Я буду покупать у тебя гораздо больше, чем мой отец, и поэтому рассчитываю на хорошую скидку.

Хирам потер ладонями.

– Дам, все дам! Первую партию привезу лично – морем, в Яффу. Заодно и увижу твой залог под золото. Но из порта – доставка за твой счет, равно, как и содержание рабочих. И я сделаю для тебя, как для брата, хорошую скидку. За материалы и рабочих будешь расплачиваться, как и Давид, – пшеницей, маслом, вином. Ну а сколько – мы с тобой подсчитаем!

Соломон удовлетворенно кивнул.

– Получишь все, что просишь, и самого высокого качества... А сколько у тебя торговых кораблей? – неожиданно спросил Соломон.

Хирам удивленно посмотрел на него.

– Не могу сказать точно, но много! Да и купцы имеют свои корабли... А почему ты об этом спрашиваешь?

– Я тоже буду торговать с разными странами. Можем это делать вместе, если ты поможешь мне построить корабли на Черном¹⁰ море...

Хирам подошел к Соломону и обнял его.

– Если ты сумеешь исполнить хотя бы половину из того, что я здесь услышал, станешь великим царем, равным которому еще не было во все времена!

* * *

Когда Соломон вернулся в Иерусалим, он сразу же пригласил к себе Ванею, Азарию, Адонирама и Садока.

– Скоро к нам начнут прибывать корабли от царя Хирама, – без предисловий начал он. – Они доставят в Израиль строительные материалы: ливанский кедр, слоновую кость, железо... Прибудут также тысячи искусных мастеров – строителей, резчиков камня, плавильщиков металла. И мы должны подготовиться, чтобы принять людей и все остальное.

– Позволено мне будет спросить? – поклонился Ванея.

Соломон кивнул головой.

– Позволено! Я думаю, что вопросов будет много и не только у тебя одного.

– Что задумал строить мой господин?

Соломон посмотрел на застывших в напряжении царедворцев, и в сердце его закрались сомнения и страх.

Не много ли я беру на себя? – подумал он. – Они примут все, что я скажу. Но принять и исполнить не одно и то же, а лучших нет и не будет... один я, всегда один...

– Храм, – буднично произнес Соломон, еще погруженный в свои мысли. – Храм, города, дороги... Легче спросить, чего я строить не буду.

Воцарилась тишина. Напряжение последних недель, восторг и подъем, испытанные Соломоном в Финикии, грандиозность планов, которые в прекрасном дворце Хирама казались такими ясными и достижимыми, здесь, в собственном доме, в самом сердце пыльного, серого и мрачного Иерусалима показались ему сейчас смешными и дерзкими. Тревожные мысли-изменники окрепли, расширились, переплелись в мощный клубок безразличия и тоски, отозвались, как эхом, трусливой занозой в ранимом и одиноком сердце.

– Храм, города, дороги... – еле слышно повторил Соломон. Повторил не им, а себе. Слова эти на миг повисли в воздухе, разлетелись, не встретив препятствия в напряженной тишине огромного зала, и вернулись в сердце царя уже другими, словно чужие – сильные, решительные, смелые!

¹⁰ Чермное море – древнее название Красного моря.

– Ни я, ни вы и никто другой в пределах Израиля до дня сего даже не помышлял об этом. Отец мой, великий Давид, да будет память о нем вечна, собрал весь Израиль – от Дана до Вирсавии – под своей железной рукой. Много малых и больших народов платят нам дань, дают для войска людей и скот для моего дома. И все это сумел сделать отец мой, Давид! – голос Соломона окреп. – Но он не построил ничего в Израиле, почти ничего, потому что строил сам Израиль... Соломон сделал паузу и властно, голосом, к которому все уже привыкли, добавил:

– Так что строить буду я! Тебе, Адонирам, повелеваю увеличить подати по числу людей в коленах Израиля и среди других народов – строго и справедливо! Тебе, Ванея – отпустить многих воинов по домам, чтобы сеяли они пшеницу и растили скот для потребностей новых. Сколько всего людей в войске нашем?

– Если понадобится, легко собрать сможем тридцать раз по тысяче пеших, четыре сотни конных и колесничих и в отдаленных селениях, на границах около пяти тысяч, – отчеканил Ванея.

– Я спрашиваю, сколько воинов постоянно находится в войске?

– Ну, третья часть...

– Половину отправишь временно по домам, пусть скот пасут и лозу возвращают. Тогда и подати новые собирать легче будет.

– У нас могут возникнуть большие трудности с коленами Дана и Эфраимовым. Да и старейшины остальных областей могут не подчиниться, – озабоченно возразил Азария.

Соломон нахмурил брови.

– Зачем Давид собрал все племена в Доме едином? Чтобы охранять их от врагов, а они делали то, что хотят, поступая каждый по глупости своей? Не бывать этому от сего дня! Израиль и Иудея – одна страна, и в ней – один царь! Во всех двенадцати областях Израиля укрепить власть приставников – назибов¹¹, чтобы обеспечивали они не только царский дом всем необходимым, но и были начальниками над старейшинами и судьями. При назобах содержать военных людей числом не менее пятидесяти для поддержания порядка и спокойствия, а также обеспечения людьми общественных работ. И еще! – Соломон в упор посмотрел на Ванею. – С первого дня помазания я только и слышу от слуг своих, что в Иерусалиме и других городах много праздных людей и вредных разговоров. Это мешает мне установить мир и порядок. Или у тебя недостаточно сил и умения, чтобы не беспокоить этим царя и не отвлекать его от дел государства?

– Я только и ждал от тебя этих слов, мой господин! – ухмыльнулся Ванея. – Теперь в Иерусалиме не будет вредных разговоров, а у тебя будет достаточно людей для любых работ!

Соломон недовольно поджал губы.

– Мне нравится то, что ты сказал, но мне не нравится то, как ты сказал. Царь силен тогда, когда у него большое войско, но царь велик тогда, когда он справедлив, несмотря на большое войско. Все должно делаться по закону и в граде Давидовом, и в самом дальнем селении!

– Ты как всегда прав, мой господин! – вмешался Садок. – Справедливый суд – Божий суд! Но как сделать, чтобы от Иерусалима до самого малого горного селения суд был действительно праведен? Как сделать, чтобы левиты судили людей по справедливости, а не по разумению своему и не по выгоде своей; как сделать, чтобы судьи не боялись судить праведно, чтобы потом не стать самим судимыми толпой? И как сделать, чтобы правда все же восторжествовала, невзирая на неправедный суд?

Соломон уважительно посмотрел на Садока.

– Я сам много думал об этом еще тогда, когда был жив отец мой Давид. Думал и не нашел ответа. Разве всегда, когда Бог посылает нам испытания, болезни и несчастья, мы покорно принимаем участь свою и не ропщем? А ведь это самый справедливый суд – Божий Суд! Так что

¹¹ Назибы – то же, что и приставники – представители царя в областях (губернаторы).

тогда говорить о суде человеческом? Но все же мы должны стремиться к тому, чтобы и суд человеческий был праведен и справедлив. Суд – самый мощный столп, на котором зиждется власть! И чем мощнее и надежней этот столп, тем сильнее и незыблемей власть царя над народом. Посему повелеваю от сего дня и впредь судей назначать из числа левитов, по предложению старейшин и одобрению народа. Только тот может справедливо судить свой народ, кто этим народом избран. Дабы избежать давления и угроз, суд вершить не у городских ворот, при скоплении всех людей, а в специальных местах, куда приводить только судимых, свидетелей... и представителей от народа тоже.

– А кто будет судить в Иерусалиме? – спросил Азария.

– А кто правит в Иерусалиме? – ответил вопросом Соломон.

– Тогда у моего господина не останется времени ни на что другое, – усомнился Азария. – Иерусалим велик, и ежедневно здесь происходят суды по делам разным. Неужели великий царь будет судить всех – от торговца водой, которому недоплатили шекель, до убийцы и казнокрада?

– Нет, конечно, нет! – улыбнулся Соломон. – Украденным шекелем займутся судьи из левитов иерусалимских. Но если этот шекель не вернут, тогда продавец воды может рассчитывать на суд и защиту царя, равно как и любой другой человек в пределах Израилевых. И мы построим в Иерусалиме Дом Правосудия – большой и величественный, где и будем судить – достойно и справедливо; и будут перед судом тем все равны – от землепашца простого до чиновника царского – равны, как равны все смертные перед Богом бессмертным!

Глава 7

И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет. И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем.

Видал я так же, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа! Глупый сидит, сложив свои руки, и съедает плоть свою. Лучшие горсть с покоем, нежели пригоршни трудом и томление духа.

Обратился я и увидел еще суету под солнцем; человек одинокий, другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. «Для кого же я тружусь и лишаю душу свою блага?» И это- суета и недоброе дело!

Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им: а одному – как согреться? И если станет преодолевать что-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, вдвое скрученная, не скоро порвется.

Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы; ибо тот из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своем бедным.

Видал я всех живущих, которые ходят под солнцем. С этим другим юношею, который займет место того. Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суета и томление духа!

Экклезиаст. Гл. 4

Дороги... Паутиной вен и артерий они оплетают тело и душу страны. По ним, словно кровь, текут караваны с товарами, движется на убой покорный скот, идут на битвы воины; по ним движется сама Жизнь... Широкие, как полноводная река, и узкие, как пересохший ручеек, дороги бесстрастно несут на теле своем страдания и счастье людей, радость и горе, торжество и отчаяние. Они многое видели, многое знают, о многом молчат. Они имеют начало и имеют конец, но никогда не кончаются, как никогда не заканчивается Дорога в жизни каждого из нас. Пока мы существуем, мы в пути, на вечной дороге скитаний длиною в короткую земную жизнь...

Пыль на пути из Яффы в Иерусалим стояла так плотно, что порой нельзя было рассмотреть ладонь на вытянутой руке. С самого утра, как только еще сонное солнце небрежно подкрасило бледными румянами верхушки Галилейских гор, из Яффы бесконечной, потной змеей потянулись тысячи людей и животных. Огромные черные мулы, низко нагнув покорные головы и жалобно мыча, обреченно месили мощными ногами иссушенную зноем землю, медленно и упорно, волоком тащили связанные веревками стройные ливанские кедры. Их было – тысячи! За ними, на расстоянии, едва достаточном, чтобы не задохнуться от пыли, сгорбленная под тяжестью ящиков и тюков, двигалась пестрая людская толпа. Иудеи и хананеи, филистимляне и иевусеи, примиренные общей непосильной ношей, собранные со всех пределов Израиля волей Соломона и копьями Ваней, раскачиваясь, словно в такт бесконечной молитве, шаг за шагом, двигались в сторону Иерусалима. Их было – десятки тысяч! Не трагичное переселение гонимых народов, не бегство от неведомой и страшной опасности, не поиски лучшей доли собрали

этих людей в живую и бесконечную цепь, а непреклонная воля царя, положившая начало великой, невысказанной в прежние времена стройке – стройке, имя которой – Израиль! Но они этого не знали: не могли и не должны были знать. Они были просто строительным материалом, гораздо менее ценным, чем тот, который пригибал сейчас их спины к земле; чем тот, который волоком тащили обреченные мулы...

* * *

Соломон появился в Яффе за день до прибытия кораблей из Финикии. Вокруг порта образовался целый город: тысячи вьючных мулов, коров и овец, телеги с мукой, бурдюки с вином и оливковым маслом на многие километры растянулись вдоль единственной дороги на Иерусалим. Чуть поодаль, сколько хватало глаз, раскинулись шатры и навесы. Несколько сотен конных воинов и добрая тысяча пеших обеспечивали порядок и охрану этого Вавилона. Соломон, на боевой колеснице, в сопровождении Ваней и полусотни гиборим, без усталости носился по лагерю, внезапно появляясь в самых неожиданных местах. Царя интересовало все: достаточно ли корма для скота, устройство мест молитв и жертвенников для всесождений, приготовление и распределение пищи и воды. И только спустя десять дней, когда первый финикийский корабль, груженный зерном, покинул Яффу, отправившись в обратный путь к берегам Финикии, Соломон поспешил в Иерусалим.

Несмотря на непреклонную волю царя, стремление поскорее начать задуманное, строительство Храма пришлось отложить на неопределенное время. Когда Соломон увидел своими глазами количество строительного леса и других материалов, рабочих, их пожитки и инструменты, он осознал, что Иерусалим не сможет все это ни принять, ни вместить. Соломон понял, что сначала нужно построить большой поселок на окраине Иерусалима, снабдить его всем необходимым для жизни людей. И поселение это следует строить не как временное жилище для строителей, а основательно, потому что грандиозные планы царя не мог вместить в себя сегодняшний город Давидов. В грезах своих, во сне и наяву, царь видел его большим и красивым, и поселок строителей должен будет стать естественным продолжением святого города.

Дни, наполненные лихорадочной суетой, пролетали так быстро, что, казалось, наступила одна сплошная темная ночь, разбавленная короткими и редкими промежутками света, когда торопливое солнце, едва успев подарить надежду, стыдливо пряталось за вершинами безучастных гор.

Соломон был в отчаянии: прошло уже несколько месяцев, закончился сезон дождей, а строительство Храма, ставшее навязчивой идеей, не продвинулось даже на самый маленький шаг. Финикийцы – прекрасные строители – готовы были воплотить в жизнь любой замысел, но замысла этого ни у Соломона, ни у его приближенных, ни у пророка Гада, занявшего место Натана рядом с царем, не было. Соломон, привыкший все решать сам, сейчас этого решения не имел...

Однажды утром наступил момент, когда царь просто физически не сумел покинуть свои покои. У него ничего не болело, ровно билось молодое сердце, послушно и легко двигались руки и ноги, но страх и отчаяние, завладевшие его головой, сковали невидимыми путами волю Соломона. Он не хотел вставать с ложа, боялся выйти в мир, где нужно было принимать решения – решения, которых у него не было.

«...Когда будет совсем трудно, когда боль и тоска захлестнет твое сердце, приходи сюда еще раз...» – вдруг послышалось Соломону.

– Каин! – вспомнил он. – Каин!

* * *

Соломон вошел в подземелье и огляделся по сторонам. Страха, как когда-то прежде, не было. Не было и лихорадочного возбуждения в ожидании чего-то таинственного и неведомого; была просто пустота и безмыслие – безразличное, вязкое, тягучее.

Царь присел на скамью и огляделся. Все было здесь так, как в последний раз, когда с ним говорил Голос.

А было ли это? – подумал Соломон. – Или мне пригрезился Каин? Прав был Натан, гордыня движет мной, не для людей задумал строить я страну, а для славы своей. Суета все это, суета и томление духа!.. Господи, великий и непостижимый, укажи мне путь истинный, как указывал ты отцу моему, Давиду, как указывал праотцам нашим – Аврааму, Исааку и Иакову, – он тяжело вздохнул.

Здесь ты найдешь то, что поможет тебе справиться, – подсказала услужливая память.

Соломон лихорадочно завертел головой. Надежда ярким лучом, болезненно пробежала по его воспаленным нервам. Царь заметался по комнате, держа высоко над головой факел, ища то, что мог оставить для него Каин, то, что успокоит и прояснит его загнанную в отчаяние душу. Круг его поисков сузился, он подошел к жертвеннику и опустил трясущуюся руку в чашу, нащупал пальцами что-то прохладное...

Соломон поспешно покинул подземелье, уже в покоях своих, плотно прикрыв дверь, подошел к окну и разжал ладонь. Темно-красный камень, обрамленный золотом, блеснул, преломив солнечный луч. Соломон расслабился, преодолел дрожь и уже спокойно и внимательно стал рассматривать украшение. Перстень оказался ничем не примечательным, у Соломона было много колец гораздо более искусных и дорогих. Но что-то притягивало царя, не отпустило его взгляд от темно-красного, как кровь жертвенного ягненка, камня. Соломон осторожно надел перстень на палец – тот оказался на несколько размеров больше, чем нужно. Царь горько усмехнулся: В него можно просунуть голову... – успел подумать он, когда почувствовал, что кольцо сжалось, плотно охватив палец. Соломон в страхе сорвал кольцо и с опаской вновь приблизил к глазам. На внутренней стороне он заметил едва различимую надпись: «ВСЕ ПРОХОДИТ... ПРОЙДЕТ И ЭТО...» Он на мгновение замер, пораженный простотой и глубоким смыслом этих нескольких, полустертых временем слов.

– Пройдет! Конечно, пройдет! – радостно выкрикнул Соломон. Он сел на ложе, поцеловал перстень и уже спокойно, без суеверного ужаса, надел его на палец. – Все проходит... Пройдет и это... – прошептал он, погружаясь в глубокий сон.

Соломон проспал до следующего утра. Ему приснился Храм – неповторимый и величественный Храм, достойный неповторимого и великого Бога – храмовый двор, святилище, алтарь, в каждой самой мелкой детали...

Глава 8

Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слова пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги.

Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов.

Когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни. Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить. Не позволяй устам твоим вводить в грех плоть твою, и не говори пред Ангелом Божиим: «это ошибка!»

Для чего тебе делать, чтобы Бог прогневался на слово твое и разрушил дело рук твоих? Ибо во множестве сновидений, как и во множестве слов, много суеты; но ты бойся Бога.

Экклезиаст. Гл. 5

Незадолго до рассвета, когда предутренний туман влажным и рыхлым пологом вкрадчиво накрыл перевал, дозорным послышался далекий и тревожный гул. Воины переглянулись, рассредоточились, напряженно вглядываясь в черную, разорванную серой пеленой ночь. Порой уносимый ветром в пустыню гул затихал, и тогда казалось, что это просто стонут, ворочаются в тревожном сне старые уставшие горы.

Но уже в первых лучах солнца показалось далекое, рыжее и бесформенное облако пыли. Оно, словно живое существо, опускалось и поднималось, тяжелело и разрасталось, поглощая все видимое пространство от края до края, неся в недрах своих, словно плод, скрип сотен обитых железом колес, топот тысяч, закованных в кожу ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.